

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

Русская литература

№ 3

И С Т О Р И К О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

1969

Год издания двенадцатый

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД

ПАВЕЛ НАУМОВИЧ БЕРКОВ

Смерть Павла Наумовича Беркова — неизмеримая потеря для советской филологии, для всей современной славистики. Эту потерю с каждым годом мы будем ощущать все сильнее. Среди своих современников, людей того поколения, которое в середине 20-х годов деятельно включилось в создание советской историко-литературной науки, П. Н. Берков выделялся своим обликом, своим отношением к общему делу. И для того чтобы понять сущность его беззаветной преданности филологической науке, надо обратиться к его жизненному пути, к той обстановке, в которой формировался характер Павла Наумовича.

Он родился 14 декабря 1896 года в г. Аккермане Бессарабской губернии (ныне Белгород Днестровский), в том краю, где еще видны были остатки античного мира, а языковая пестрота города с его многонациональным населением изощряла ухо и пробуждала интерес к чужой речи. Раскопки античного поселения, в которых участвовал Берков-гимназист, сообщили его книжным представлениям об истоках европейской культуры полновесную достоверность. Интерес к живой древности определил выбор классического отделения историко-филологического факультета Новороссийского университета (г. Одесса), куда П. Н. Берков поступил в 1917 году.

В этом раннем увлечении античностью сказалось характерное свойство русской культуры того времени, когда формировались вкусы и интересы ученика Аккерманской гимназии П. Беркова. Античность, наряду с другими эпохами мировой культуры, входила в круг самых живоощутимых тем русской литературы — вспомним хотя бы Валерия Брюсова с его многообразными обращениями в стихах и прозе к античным мотивам и образам. С юношеских лет П. Н. Берков полюбил поэзию Брюсова. И позднее, в 60-е годы, он закономерно пришел к разработке спецкурса по творчеству этого поэта, одного из создателей русской литературы XX века.

Идея единства мирового культурного развития, усвоенная Павлом Наумовичем еще в пору формирования его общественных позиций и литературных вкусов, получила у него дальнейшее развитие в результате систематических штудий сначала в Одесском, а потом, после перерыва, — на философском (историко-филологическом) факультете Венского университета (1921—1923). Вынужденный тогдашними политическими обстоятельствами (Бессарабия была отделена от Советской России) заканчивать образование в Австрии, Павел Наумович всегда ощущал себя русским ученым. Кончал он Венский университет по двум отделениям — славянской филологии и египтологии. Поэтому и диссертация, которую он защитил на немецком языке, была посвящена русской литературе, творчеству писателя, который для Павла Наумовича был старшим современником и смерть которого он помнил, — А. П. Чехова. Называлась диссертация так: «Отражение русской действительности конца XIX века в творчестве Чехова».

Еще при поступлении в Венский университет Павел Наумович возбудил ходатайство о восстановлении его в советском гражданстве. Защитив диссертацию, он вернулся в Советский Союз и поселился в Ленинграде. С тех пор вся его научная и педагогическая деятельность, за исключением периода Отечественной войны, когда он работал в Киргизском педагогическом институте в г. Фрунзе, связана с научными учреждениями Ленинграда, с Академией наук и позже — с университетом.

Ленинград начала 20-х годов привлек Павла Наумовича счастливым и особенно заманчивым для молодого ученого сосредоточением в нем представителей разных поколений ученых, — и видных деятелей академической науки, продолжавших свою работу в традициях историко-культурного и сравнительно-исторического литературоведения, и ученых, выступивших уже в пореволюционную пору с пропущенных нафосом смелой переоценки традиционных положений и методологических навыков, накопленных русской наукой со времен Буслаева, Тихонравова и Пылина.

То была эпоха суровых принципиальных теоретических требований; каждому ученому, особенно начинающему, нужно было сознательно выработать свою позицию, определить свое понимание смысла, задач и общественной функции историко-

литературной науки в новых условиях, созданных пореволюционной действительностью.

Павел Наумович нашел выход в обращении к переосмысленным и пересмотренным традициям русской филологической науки XIX века, к ее последовательному историзму, подкрепленному глубоким уважением к историко-литературной данности, к литературному факту, как бы ни было на первый взгляд невелико, несущественно его значение. При этом Павел Наумович отлично понимал, что новую, марксистскую историю литературы можно строить только переоценив все то, что сделано предшественниками. Именно такой общетеоретический и для самого Павла Наумовича принципиальный смысл имела его кандидатская диссертация «Ранний период русской литературной историографии. XVIII век и первая четверть XIX века», защищенная им в 1929 году в научно-исследовательском институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском университете (ИЛЯЗВ). В этой, только частично опубликованной, диссертации уже проявилось своеобразие того исторического подхода к литературе, которым был воодушевлен Павел Наумович и в котором с особенной силой проявился его человеческий характер, его личность.

Павлу Наумовичу органически было присуще чувство глубокого демократизма, антиэлитарности. Многосторонние познания в истории мировой литературы и культуры убедили его в том, что так называемые незначительные явления и маленькие люди в истории не что иное, как неизученные, непонятые и неопцененные эпохи и люди. Вот почему он выбрал для своей кандидатской диссертации тему, связанную с такой, как тогда многим казалось, малозначительной эпохой русской литературы, как XVIII век.

Новое открытие русской поэзии XVIII века, после периода долгого забвения, принес с собой век двадцатый, когда наряду с русской живописью, русским портретом XVIII века поэты обнаружили в поэзии XVIII века не груды мертвых памятников, а живой и далеко еще не исчерпанный запас поэтических богатств. Вслед за поэтами пришли исследователи. С одним из первооткрывателей XVIII века в XX веке — Г. А. Гуковским — Павел Наумович встретился в ИЛЯЗВе. Их объединили общие научные интересы и стремление сделать изучение русской литературы XVIII века полноправной дисциплиной, самостоятельной областью науки.

Знакомство это перешло в прочную дружбу ученых. По их совместной инициативе в Институте русской литературы была создана группа по изучению русской литературы XVIII века под председательством академика А. С. Орлова, а с 1937 года — Г. А. Гуковского. В 1934 году П. Н. Берков становится доцентом, а в 1936 году — профессором кафедры русской литературы филологического факультета Ленинградского университета. Докторская диссертация П. Н. Беркова «Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750—1765» (1936) во многом предопределила направление и характер последующих исследований литературы XVIII века, предпринимавшихся Павлом Наумовичем. В этой книге, до сих пор представляющей самую полную картину литературных отношений и литературной борьбы Ломоносова, т. е. того пятнадцатилетия, когда русская литература из дела любителей-энтузиастов превращалась в литературное движение, а споры одиночек — в борьбу школ, выразились самые существенные черты исследовательской манеры Павла Наумовича. В ней есть и широкий историзм в подходе к эпохе в целом, и масштабность сопоставлений, и новизна привлеченного материала, и богатство примечаний, из которых многие содержат программы будущих самостоятельных исследований.

С главными действующими лицами своей книги Павел Наумович не расставался на протяжении всей своей жизни, возвращаясь к ним и к их творчеству под воздействием новых идей, на основе анализа новых материалов. Тредиаковский, Сумароков, Ломоносов стали предметом многих его статей, дополняющих и обогащающих то, что о них было сказано в книге 1936 года.

Во время Великой Отечественной войны условия научной и педагогической работы в Киргизии способствовали новому расширению интересов Павла Наумовича. С этого времени литература народов СССР в целом и отдельные национальные литературы становятся предметом его внимания. Он пишет об Андрее Упите, Виталии Вольском, Х. Абовяне, Аветике Исаакяне, Коста Хетагурове, Шота Руставели — и всегда в широком масштабе международных и внутринациональных литературных связей, всегда с отчетливым представлением о месте данного писателя в его литературе, о его историческом и художественном значении.

По возвращении в Ленинград Павел Наумович возобновил преподавательскую работу на филологическом факультете ЛГУ, где постоянно читал общие и специальные курсы и вел семинары по русской литературе XVIII века, истории литератур народов СССР, текстологии, технике литературоведческого исследования и др. В университете Павел Наумович продолжил начатую им еще до войны работу по воспитанию молодых ученых, по подготовке все новых и новых поколений энтузиастов науки.

Сделанное Павлом Наумовичем в это время в значительной своей части подготовило его фундаментальный обобщающий труд — «Историю русской журнали-

стики XVIII века» (1952). Вопреки некоторым субъективным суждениям и оценкам, которые давались этой книге сразу после ее выхода, она продолжает жить и действительно служить нашей науке, ибо, как писал недавно авторитетный исследователь, «книга эта раскрыла важнейшие стороны общественной и литературной жизни века».¹

По инициативе Павла Наумовича в 1956 году была возобновлена деятельность группы по изучению русской литературы XVIII века. Павел Наумович возглавил группу — и до последних его дней она была постоянным предметом его забот и попечений. Обдумывая план работы группы на осень 1969 года, Павел Наумович предполагал посвятить одно из заседаний В. К. Третьяковскому и собирался сделать доклад о парижском периоде жизни поэта.

Под руководством Павла Наумовича за 15 лет группа по изучению русской литературы XVIII века провела несколько конференций и выпустила 8 сборников исследований и материалов; еще один сборник — «XVIII век. № 8. Державин — Карамзин» — находится в печати. На заседаниях и конференциях группы Павел Наумович осуществлял одну из самых важных миссий каждого ученого, — он воспитывал тех, кому предстоит, теперь уже без него, продолжать его служение советской науке. Павел Наумович был удивительный воспитатель молодежи, приходящей в науку, — начинающей и той, которая уже работает самостоятельно, но не обладает необходимой уверенностью в себе.

Именно этой заботой о воспитании молодых ученых и стремлением помочь им преодолеть те трудности, с которыми сталкивается каждый начинающий исследователь, проникнуты специальные руководства, посвященные технике и методике литературоведческого труда, руководства, подобных которым нет на русском языке, — «Введение в технику литературоведческого исследования» (1955) и «Библиографическая эвристика» (1960).

Немногие из современных филологов обладали таким широким диапазоном научных интересов и увлечений. Публикатор и текстолог, библиограф и исследователь методики научного труда, фольклорист и историк театра — вот далеко не полный их перечень. И все же прежде всего он был историк русской литературы, которую любил и знал досконально; русской литературе от киевских времен до наших дней посвящено подавляющее большинство его работ. Но и среди этих его занятий особое место занимает история русской литературы XVIII века.

Павлу Наумовичу была присуща одна, очень для него характерная черта — в своих занятиях русской литературой XVIII века он никогда не повторялся, не эксплуатировал один и тот же материал, одни и те же проблемы. Литературу XVIII века он трактовал как особый отрезок национальной культуры, неразрывно связанный с предшествующими ей явлениями литературы русского средневековья и с последующим развитием в пушкинскую эпоху. В изучении национально-исторического своеобразия русской литературы XVIII века Павел Наумович видел одну из самых важных задач нашей науки и в своих работах 1950—1960-х годов изложил подробную и заманчивую программу всесторонних исследований, которые, по его мнению, должны были в своей совокупности объяснить, в чем же состоит эстетическое своеобразие русской литературы этого времени, и определить тем самым ее место в общем ходе национального художественного развития.

В своем докладе на конференции, посвященной эпохе русского Просвещения (1959), Павел Наумович предложил совершенно новую точку зрения на проблемы просветительства XVIII века, на его отношение к литературным направлениям и на самый характер и содержание этих направлений, их национально-историческую специфику. Острота и свежесть постановки вопроса, широта и смелость концепции сделали этот доклад исходным моментом для не затихающих по сей день споров и суждений о литературе XVIII века и ее идейно-эстетическом содержании. Прошло десять лет с того дня, когда был прочитан этот доклад, но его научная актуальность стала еще острее и виднее.

Павлу Наумовичу принадлежит определяющая роль в том, что исследователи литературы XVIII века обратились к серьезному изучению международных и особенно славянских взаимосвязей и взаимодействий русской литературы.

В той же мере, в какой был и остается программным доклад Павла Наумовича о Просвещении, программной, по мнению авторитетного польского исследователя Ришарда Лужного, с которым мы совершенно согласны, является статья Павла Наумовича «Русская литература XVIII века в ее отношениях со славянскими литературами XVIII—XX веков», где установлены теоретические принципы изучения проблематики славянских взаимосвязей и намечены в широком масштабе перспективы такого изучения.

Русско-славянские литературные взаимоотношения в XVIII веке были новой для нашей науки темой. Но даже в постановке таких традиционных тем, как

¹ Г. П. Макогоненко. Павел Наумович Берков. (К семидесятилетию со дня рождения). «Русская литература», 1966, № 4, стр. 250.

русско-немецкие или русско-французские связи, Павел Наумович находил новый подход, новые аспекты исследования.

Среди его работ, посвященных этому кругу вопросов, особое место занимает широко задуманная монография «Русско-немецкие литературные взаимосвязи и взаимоотношения», над которой Павел Наумович работал последние годы. По мере того, как он входил в материал, вживаясь в него, книга все разрасталась. Первоначально в ней должны были быть представлены только русско-немецкие литературные взаимоотношения первой половины XVIII века, но затем Павел Наумович включил в нее обзор литературы XII—XVII веков. Новизна этой монографии, однако, не только в ее масштабности, но и в самом подходе исследователя к теме. Павла Наумовича занимает процесс взаимовлияния двух культур и взаимного обмена литературными ценностями, а не одностороннее и предвзятое улавливание «влияния», понимаемого как простое заимствование. Это свое понимание взаимосвязей как равноправных и равнозначимых культурных контактов Павел Наумович изложил в докладе, прочитанном в Тбилиси, на конференции по изучению литературных взаимоотношений. Монография Павла Наумовича, хотя он не успел довести ее до полного завершения, явится новым словом в нашей науке, откроет новые перспективы для очень актуальной сегодня области исследований.

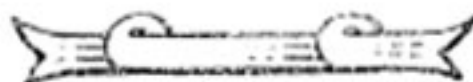
Многообразные историко-литературные и историко-теоретические интересы не помешали Павлу Наумовичу сохранить верность историографии нашей науки, которой была посвящена его кандидатская диссертация. После целого ряда подготовительных частных исследований появился его обобщающий труд «Очерк литературной историографии XVIII века» (1964) — первый том задуманного им трехтомного «Введения в изучение истории русской литературы XVIII века». Значение этого труда в осуществленной его части шире его названия. «Отличительная черта литературной историографии, — писал Павел Наумович, — состоит в том, что она представляет историю историко-литературных концепций, проявляющихся и в обобщающих трудах, и в отдельных монографиях, и в статьях, рецензиях и т. д.»² Такое широкое понимание задач историографии, реализованное Павлом Наумовичем в его книге, превратило ее фактически в краткий очерк русской историко-литературной науки XIX—XX веков, очерк, который, по-видимому, долго будет заменять нам еще не написанную полную ее историю.

Последние несколько лет Павел Наумович руководил группой по изучению русской литературы XVIII века на общественных началах. С полным правом мы можем сказать, что вся его научная и педагогическая деятельность была работой «на общественных началах», была выполнением его общественного, гражданского долга в том высоком истолковании, в каком он его понимал.

Велик был научный авторитет Павла Наумовича в отечественной и мировой науке. Член-корреспондент АН СССР (с 1960 года), член-корреспондент Немецкой Академии наук (Берлин) с 1967 года, Павел Наумович с честью представлял советскую науку на Международных съездах славистов, на симпозиумах и встречах, как лектор в университетах ГДР, Польши, Венгрии, Чехословакии, Австрии.

Павел Наумович был общественным деятелем везде, в любой области науки и культуры, на любом посту, в любой должности. Он был образцом рыцарского служения научной истине и прогрессу национальной культуры. Таким он пришел в науку, таким он ушел от нас в полном расцвете творческих сил, охваченный замыслами новых работ, новых свершений. Больше всего Павел Наумович ненавидел в науке дилетантизм, ибо наука была для него делом жизни, содержанием всех его помыслов. Он сам воздвиг себе памятник из восьмисот опубликованных им работ; поэтому лучшее, что мы можем сделать для его памяти, — это всегда мерить свою работу его примером и позаботиться о скорейшем издании тех его трудов, которые еще ждут печати: «Истории русской комедии XVIII века», фундаментального исследования в 50 авторских листов, «Истории советского библиофильства» и других.

Д. С. ЛИХАЧЕВ, И. З. СЕРМАИ



² П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. I. Очерк литературной историографии XVIII века. Изд. ЛГУ, 1964, стр. 251—252.

- Денисова И. Чистый ветер тревог. [О творчестве М. Луконина]. Н.-Волжское книжное изд., Волгоград, 1968, 109 с.
- Жовтис А. «Стихи нужны...» Статьи. Изд. «Жазушы», Алма-Ата, 1968, 270 с.
- Записки о театре. (Русско-зарубежные театральные связи). Сборник трудов. [Сост. и отв. ред. Л. А. Левбарг]. Л., 1968, 350 с. (Ленингр. инст. театра, музыки и кинематографии).
- Исбах А. Фурманов. Изд. «Молодая гвардия», М., 1968, 334 с. (Жизнь замечательных людей).
- Искусство публицистики. [Сборник статей]. Изд. «Казахстан», Алма-Ата, 1968, 272 с.
- Карпенко М. А. и Сиротина В. А. Слово в художественной речи М. Горького. Изд. Киевского унив., Киев, 1968, 142 с.
- Книпович Е. Художник и история. Статьи [о советской и зарубежной литературе]. «Советский писатель», М., 1968, 430 с.
- Литература и современность. Сборник, [вып.] 8. Изд. «Художественная лит-ра», М., 1968, 487 с.
- Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. [Под ред. Л. В. Маяковской и А. И. Колоскова]. Изд. «Московский рабочий», М., 1968, 430 с.
- Миронов М. За счастливой строкой. Литературно-критические этюды, раздумья о современной литературе. Изд. «Донбасс», Донецк, 136 с.
- Михайлов А. Факел Любви. Поэзия наших дней. Изд. «Советская Россия», М., 1968, 320 с.
- Налдеев А. П. Революция и родина в творчестве А. Н. Толстого. Изд. «Московский рабочий», М., 1968, 296 с.
- Новожилова Л. И. Социология искусства. (Из истории советской эстетики 20-х гг.). Изд. Ленингр. унив., Л., 1968, 128 с.
- Овчаренко А. И. Социалистический реализм и современный литературный процесс. «Советский писатель», М., 1968, 316 с.
- Очерки истории русской советской драматургии. Изд. «Искусство», Л., 1968, 463 с.
- Петряев Е. Впереди — огни. Очерки культурного прошлого Забайкалья. [О литературе. Вступ. статья О. Хавкина]. Вост.-Сиб. книжное изд., Иркутск, 1968, 340 с.
- Поиски и свершения. Литература, рожденная Октябрем. [Сборник статей]. Лениздат, Л., 1968, 344 с.
- Рожденные революцией. [Сборник статей о русской советской литературе. Ред. и вступ. статья П. Бугаенко]. Приволжское книжное изд., Саратов, 1968, 238 с.
- Слово о Погодине. Воспоминания. [Сборник] «Советский писатель», М., 1968, 279 с.
- Смирнова В. Книги и судьбы. Статьи и воспоминания. «Советский писатель», М., 1968, 471 с.
- Советская литература. Проблемы мастерства. [Сборник статей. Ред. коллегия: А. Н. Шишкина (отв. ред.) и др.]. Л., 1968, 296 с. (Уч. зап. Ленингр. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 322).
- Черников В. В наступлении. (О Фурманове). Изд. Саратовского унив., Саратов, 1968, 166 с.
- Эвентов И. Поэт красного Питера. [Демьян Бедный]. Лениздат., Л., 1968, 230 с.